

Г. Р. ДОБРОВА

*(Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 81'23

РАЗЛИЧИЯ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКОНА МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК

Аннотация. В статье исследуется речевая продукция детей 2.10 – 3 лет. Проанализировано 100 Макартуровских опросников (50 мальчиков и 50 девочек), а также результаты проведенного эксперимента (по 11 мальчиков и девочек). Выявляется наличие различий в лексиконе мальчиков и девочек, но при этом выясняется, что эти различия отнюдь не всецело соответствуют общепризнанным. Так, обнаруживается, что лексикон девочек в целом, действительно, развивается раньше, чем лексикон мальчиков, однако в основном это касается лишь активного (но не пассивного) лексикона. Выясняется, что различия в знании девочками и мальчиками слов некоторых тематических групп не столь существенны, как это принято считать (хотя и имеют место), и что эти различия в очень значительной степени обусловлены актуальностью соответствующих референтов в практической деятельности детей разных полов. Выявляется большая склонность мальчиков в процессе освоения лексики опираться на функцию предмета, а девочек – на его форму. Кроме того, выясняется, что в ходе освоения гипогиперонимических гнезд мальчики и девочки могут начинать с освоения разных уровней лексических иерархий.

Ключевые слова: детская речь, онтолингвистика, лексикон мальчиков и девочек, опора на функцию предмета, опора на форму предмета, освоение детьми гипогиперонимических отношений.

В онтолингвистике (науке о речевом онтогенезе) универсальные особенности речевого развития детей изучены уже довольно хорошо¹⁶. Вариативность же речевого развития детей изучена значительно меньше. В первую очередь недостаточно изученной представляется вариативность речевого онтогенеза, обусловленная так называемыми групповыми различиями детей, – различиями в речи референциальных/экспрессивных детей,

¹⁶ Термин «онтолингвистика» был предложен С.Н. Цейтлин в 1997 г. и с тех пор получил достаточно широкое распространение. См., например, [Гридина 2013].

мальчиков/девочек, детей из семей с высоким/низким социокультурным статусом и др.

Так, в частности, недостаточно изученными представляются различия в речевом развитии мальчиков и девочек. Несмотря на существование отдельных (разрозненных) исследований этих различий, целостных многоаспектных исследований этой проблемы (по крайней мере – в нашей стране), насколько нам известно, нет. Отсутствие такого рода исследований связано, как представляется, не с отсутствием интереса к этим различиям, а с тем, что заранее предполагается, что эти различия и так достаточно хорошо известны. Проведенный же нами в последние годы анализ материала детской речи показывает, что а) считающееся общепризнанным не всегда и не всецело подтверждается и что б) существуют такие различия в речевом развитии мальчиков и девочек, о которых пока вообще не известно или, как минимум, известно крайне мало.

Наиболее распространенным и известным является утверждение о более раннем речевом развитии девочек (см., например, [Штерн 1922; Еремеева, Хризман 1998; Елисеева, Вершинина, Рыскина 2016]). Однако последняя группа авторов (которые, в отличие от названных до них, опирались на строгую статистику), хотя и подтверждает в целом, что девочки опережают мальчиков в речевом развитии, вносит в это утверждение существенные уточнения. В частности, они подтверждают, что в возрасте 15-18 месяцев существуют статистически значимые различия в активном лексиконе в пользу девочек [Елисеева, Вершинина 2017а: 697] и что в возрасте с 18 до 36 месяцев активный словарь девочек также значительно опережает активный словарь мальчиков. Вместе с тем, указанные авторы выявляют и некую тенденцию, имеющую противоположный вектор – что постепенно мальчики увеличивают скорость усвоения слов и к трем годам почти догоняют девочек [Елисеева, Вершинина 2017б 75-78]. Кроме того, авторы обнаруживают, что «в области понимания речи на самых ранних этапах мальчики в целом почти не отстают от девочек» [Елисеева, Вершинина 2017а: 696].

Нам представляется особенно существенным то, что авторы выявляют почти одинаковое понимание речи мальчиками и девочками. Мы уже много лет пишем о том, что при сопоставле-

нии речевого развития мальчиков и девочек необходимо сравнивать не только их активный, но и их пассивный лексикон, а также о том, что именно в пассивном лексиконе расхождения совсем не столь однозначны (см., например, [Доброва 2013а, 2018]). Представляется существенным, что эти наши выводы подтвердились теперь и в исследовании других авторов, проведенном на другом языковом материале.

Таким образом, в целом, как представляется, всё же можно констатировать, что данное различие – опережение девочек – подтверждается, хотя и с некоторыми (довольно существенными) уточнениями.

Вторым общепризнанным различием в речевом развитии мальчиков и девочек считаются особенности освоения тех или иных тематических групп: например, девочки лучше знают слова, относящиеся к тематической группе «одежда», а мальчики – к тематической группе «транспорт». Эти различия считаются настолько существенными, что некоторые исследователи [Овчинникова 2003] даже называют некоторые слова типа «машина» «гендерно маркированными».

Вместе с тем, полученные нами данные показывают, что и в отношении этих «гендерно маркированных» групп не всё подтверждается.

Нами было проведено исследование, заключавшееся в анализе материалов Макартуровского опросника (опросник родителей детей раннего возраста – примерно до 3 лет) и разработанного и проведенного эксперимента.

Было проанализировано 100 опросников – 50 представляли данные мальчиков и 50 – девочек. Если М.Б. Елисеева и ее соавторы рассматривают все возрастные группы в пределах раннего возраста, то в нашем исследовании были проанализированы данные только старших детей раннего возраста – детей около трех лет (2;10–3;1). Эксперимент был проведен с детьми того же возраста.

Этот возраст был выбран по той причине, что именно к этому периоду, как показывают наши наблюдения, дети уже не просто воспринимают себя как девочек или мальчиков, но и принимают на себя «гендерные роли». Иными словами, к этому возрасту девочка уже понимает, что она девочка и потому

должна интересоваться «женскими темами» – одеждой, аксессуарами и т.п., а мальчик уже понимает, что он мальчик и потому должен интересоваться «мужскими темами» – различными видами транспорта, оружия и др. Разумеется, нельзя не задать себе вопрос: подобная разнонаправленная склонность детей разного пола предопределена биологическими факторами или же социальными? Сами ли дети имеют (от природы) подобную предрасположенность или же это взрослые (родители детей и др.) «воспитывают» ее в детях, внушают ее детям? Наверное, однозначного ответа на этот вопрос не существует (подробнее см. [Доброва 2013б]). Что касается материалов данного исследования, то в нашем распоряжении есть некоторые данные как в пользу одного предположения, так и в пользу другого, причем некоторые из них, свидетельствующие, казалось бы, о подтверждении одного из предположений, могут быть трактованы и в пользу второго. Приведем следующий пример: девочка трех лет пошла в частную английскую группу, и так сложилось, что, кроме нее, все остальные дети в этой группе на тот момент были мальчиками. И все они постоянно играли с игрушечными пистолетами, обсуждали разные виды оружия и т.п. Вскоре девочка потребовала от родителей, чтобы ей тоже купили игрушечный пистолет. Через несколько дней родители обнаружили, что она укутала пистолет в какие-то тряпки, ходит и укачивает его, приговаривая: «Ах ты мой сыночек, ах ты мой пистик». Первая мысль, которую вызывает этот пример: биологическое «перебороло» влияние социального. Однако так ли это? Нельзя ли предположить, что к этому возрасту (к трем годам) у данной девочки уже сложились определенные гендерные стереотипы: она знала, что она – девочка, и привыкла играть «в дочки-матери». Другой пример: мальчика воспитывали родители, из принципиальных соображений пацифистского характера не знакомившие его с оружием, не покупавшие ему игрушечные пистолеты и т.п. К трем годам (и в дальнейшем) мальчик, в отличие от своих сверстников, проявлял полное равнодушие к игрушкам и играм такого рода.

Данные примеры, разумеется, не могут свидетельствовать ни в пользу природной «гендерной предрасположенности» детей к игрушкам определенного типа и, соответственно, словам опре-

деленных тематических групп, ни в пользу социальной обусловленности такого рода предрасположенности. Однако мы позволим себе предположить, что социального здесь все же больше, чем биологического.

Итак, при анализе Макартуровских опросников и в эксперименте рассматривались две («гендерно маркированные, как называют их исследователи) тематические группы – «одежда и обувь» (в том числе и некоторые аксессуары) и «транспорт».

Начнем с результатов анализа Макартуровского опросника и обратимся к наиболее заметным из них.

В тематической группе **«одежда и обувь»** в опроснике представлено 30 слов, мы выделяем из них 10 слов – те слова, в отношении знания которых разница между девочками и мальчиками оказалась наиболее заметной. Это слова: «босоножки», «бусы», «кофта», «носки», «кроссовки», «одежда», «платье», «рубашка», «туфли» и «шорты». Как видно из списка, в него вошли и согипонимы, и соответствующий гипероним.

Если посмотреть на результаты в целом, то, действительно, оказывается, что девочки (по мнению их родителей) знают эти слова несколько лучше, чем мальчики: средний результат различается на 7% в пользу девочек. Однако если разбираться со знанием каждого слова по отдельности, то результаты выглядят совсем иначе. Наиболее заметной разница «в пользу девочек» оказалась в знании слов «бусы» и «платье» (по 34% разница «в пользу девочек» в обоих случаях). Однако в знании других слов – «шорты», «рубашка» и «носки» – результаты оказались противоположными: оказывается (по мнению родителей детей), эти слова лучше знают мальчики (на 20%, 12% и 12% соответственно).

Какие выводы можно сделать на основании этих результатов? Во-первых, подтверждается, что девочки, действительно, в целом лучше знают слова данной тематической группы, чем мальчики. Во-вторых, разница (в 7%) совсем не так велика, как можно было бы предположить заранее. В-третьих, нельзя не обратить внимания на то, что лучшее/худшее знание соответствующей лексики явно связано с тем, лица какого пола носят данную одежду или аксессуары: платья или бусы носят только лица женского пола, а шорты и рубашку чаще (но не исключи-

тельно) носят мальчики. Что же в таком случае отражают результаты – лучшее знакомство девочек со словами тематической группы «одежда» или же лучшее знакомство детей с теми предметами, которые важны в их практической деятельности?

Вместе с тем, будем учитывать, что эти данные основаны на мнении родителей детей и могут отражать не то, что знают или не знают дети на самом деле, а лишь то, как представляют себе объем этих знаний их родители.

В тематической группе «**транспорт**» в опроснике представлено 13 слов, мы выделяем из них 5 слов – те слова, в отношении знания которых разница между девочками и мальчиками оказалась наиболее заметной («паровоз», «грузовик», «машина», «пожарная машина» и «самолет»).

В целом обнаруживается лучшее знакомство мальчиков со словами данной тематической группы (разница «в пользу мальчиков» – 9%). Различие оказалось менее ожидаемого, но всё же достаточно существенным.

Вновь подчеркнем, что данные основаны на родительском опроснике, и есть вероятность, что они отражают не истинные знания детей, а то, как их родители представляют себе объем этих знаний.

На втором этапе данного исследования проводился эксперимент с 22 детьми – 11 мальчиками и 11 девочками в возрасте 2;10-3;0. В первом задании проверялся активный лексикон (способность назвать различные разновидности одежды и транспорта).

Результаты эксперимента в целом полностью подтвердили данные опросника. Так, в знании слов тематической группы «одежда» девочки, действительно, несколько опередили мальчиков (на 5%), но разница оказалась не слишком существенной (и при этом даже меньшей, чем она получилась, по мнению родителей детей). И опять оказалось, что всё зависит от того, лица какого пола носят данные виды одежды: «женские виды одежды» лучше знают девочки, а «мужские виды одежды» – мальчики. Так, «разница в пользу девочек» касается слов «сарафан», «купальный костюм» («купальник»), «юбка», «бусы» (интересно, что, в отличие от того, что думают родители, мальчики этого слова вообще не знают: родители думают, что его знает 34%

мальчиков, а в эксперименте это слово не смог назвать ни один мальчик). Соответственно, «разница в пользу мальчиков» касается слов «брюки», «ботинки» и «рубашка».

Таким образом, по данным и опросника, и эксперимента можно утверждать, что различия в основном зависят от того, кто носит данный вид одежды, – лица женского или мужского пола. Кроме того, можно предположить, что «разница в пользу девочек» в целом в тематической группе «одежда» обусловлена тем, что есть виды одежды (или аксессуаров), которые практически носят только лица женского пола (бусы, юбка, сарафан), но почти нет видов одежды, которые носят исключительно лица мужского пола (брюки, ботинки, рубашку чаще носят мужчины, но и женщины нередко их тоже надевают). Сказанное наводит на мысль, что лучшее знакомство девочек со словами тематической группы «одежда» вообще весьма сомнительно и условно: дети лучше знают те виды одежды, которую они сами носят. Поэтому называть тематическую группу «одежда» «гендерно маркированной» мы бы не стали.

Результаты эксперимента, касающиеся тематической группы «транспорт», также подтвердили данные Макартуровского опросника. Мальчики, действительно, лучше девочек знают слова данной тематической группы (лучше на 7%, что, кстати, вновь меньше того, что предположили родители детей). В отличие от тематической группы «одежда», в данной тематической группе сложно было найти слова, обозначающие предметы, используемые исключительно или по большей части мужчинами или женщинами. Тем ценнее представляются различия в знании детьми слова «мотоцикл» (единственного, как нам представляется, средства транспорта, которое используется в нашей стране в основном мужчинами и при этом уже знакомого детям трех лет): разница «в пользу мальчиков» оказалась здесь 45%. Таким образом, данные этой части эксперимента если и не опровергают полностью наличие «гендерно маркированных» тематических групп, то ставят его под некоторое сомнение.

Более существенные, как представляется, различия в реакциях мальчиков/девочек выявились в задании, в котором требовалось «найти лишнее» (проверка особенностей генерализации). Детям предъявлялись изображения свитера, футболки, безру-

кавки (теплой) и кофты с застежкой. Большинство мальчиков посчитало, что лишней в этом «наборе» является футболка (так ответило 45% мальчиков и только 9% девочек), а большинство девочек – что безрукавка (так ответило 55% девочек и лишь 19% мальчиков). Представляется, что есть некоторые основания полагать, что девочки скорее обратили внимание на форму предмета (наличие/отсутствие рукавов), а мальчики – на предназначение (согреть: футболка – единственный легкий вид одежды в этом наборе).

Если трактовать полученные различия именно таким образом, то становится понятным и выявленное различие во втором задании цикла «найди лишнее», в котором детям предъявлялся уже другой набор предметов. Из 4 предметов (сапоги, валенки, резиновые сапоги и туфли) девочки посчитали лишними туфли (так ответило 36% девочек и лишь 18% мальчиков), а мальчики посчитали лишними резиновые сапоги (так ответило 46% мальчиков и лишь 18% девочек). Таким образом, девочки опять же, по-видимому, обращают внимание на форму предмета (высота обуви), а мальчики – на предназначение (возможность использовать для бега по лужам; некоторые мальчики, кстати, устно так и мотивировали свой выбор – «в них можно бегать по лужам»).

Таким образом, мы выдвигаем предположение, что в процессах генерализации и дифференциации референтов соответствующих лексем мальчики обращают больше внимания на функцию предмета, а девочки – на его форму¹⁷.

¹⁷ Полагаем, что в пользу предположения о большей значимости для мальчиков функции предмета, а для девочек – его формы, говорит и следующий факт. В проведенном под нашим руководством в 2018 г. исследовании в рамках написания магистерской диссертации на тему «Освоение детьми гипо-гиперонимических отношений в зависимости от гендерного фактора» Д. В. Морозов выявил, что при попытке как-то обозначить гипероним к названным согипонимам, если дети не знали этого гиперонима, мальчики (не девочки) указывали на действие, производимое с помощью предметов данного рода, а девочки – на их внешние признаки.

Таким образом, действительно, обнаружилось наличие некоторых различий у детей в возрасте приблизительно 3-х лет в знании слов различных тематических групп: девочки несколько лучше знают названия одежды (но не всех видов одежды), обуви и аксессуаров, а мальчики – видов транспорта. Вместе с тем, результаты показали, что различия обусловлены не так общей склонностью/несклонностью детей разных полов к различению слов-согипонимов данных тематических групп (и их референтов), как актуальностью данных предметов для лиц того или иного пола. Представляется, что, если это, действительно, так, то детская речь в данном случае лишь отражает какие-то социальные особенности.

Потому более существенными для онтолингвистических исследований представляются другие выявленные факты – например, более частое использование мальчиками (в целом хуже, чем девочки, владеющими лексикой из тематической группы «одежда») обобщающего слово-гипероним «одежда». Может быть, дети вообще чаще используют гипероним в ситуациях, когда по какой-либо причине не знают гипонимы? Сходные результаты были получены нами в экспериментах с детьми-инофонами. Это дети, приехавшие из Таджикистана, Дагестана и т.д., русский язык для них родным не является. В данном эксперименте участвовали значительно более старшие дети (учащиеся 2-4 классов). Эти дети должны были в ходе эксперимента назвать изображенные на картинках предметы, и они, когда знали гипонимы, их легко называли (кофта, платье и др.). Однако если они не знали гипонима, то называли вместо гипонима гипероним (например, ребенок отвечал подряд: «Это кофта», «Это платье», «Это одежда» – о футболке). Поэтому можно предположить, что более частое использование трехлетними мальчиками (не девочками) гиперонима «одежда» может быть связано с тем, что мальчики хуже девочек знают согипонимы из этого ряда (что, в свою очередь, как было показано выше, может быть связано с актуальностью/неактуальностью различных видов одежды для лиц разных полов и наличием исключительно женских видов одежды и отсутствием исключительно мужских ее видов).

Кроме того, результаты исследования могут позволить поставить и более общий вопрос: нельзя ли предположить, что для

мальчиков и девочек базовыми уровнями освоения лексики применительно к той или иной тематической группе могут оказаться разные уровни. При лучшем знании согипонимов, например, девочками, для них базовым уровнем окажется уровень согипонимов, а для мальчиков применительно к той же тематической группе, если мальчики не очень хорошо знакомы с согипонимами, базовым окажется уровень гиперонима. Это утверждение, кстати, никак не противоречит общим представлениям о том, какой уровень усвоения лексических иерархий является для детей базовым, – тот уровень, который более существенен для практической деятельности ребенка. Позволим себе на этом основании сделать вывод, что в процессе освоения лексики детьми разных полов возможно наличие расхождений в том, какой уровень иерархии оказывается базовым. Представляется, что самый факт наличия этой разницы в речевом онтогенезе мальчиков и девочек – более значим, чем знание/незнание мальчиками и девочками тех или иных конкретных слов.

Таким образом, результаты исследования показывают, что различия в развитии лексикона мальчиков и девочек имеют место и что эти различия – не всегда такие, как это считается. Так, выявляется, что лексикон девочек в целом, действительно, как это и считается, развивается раньше, чем лексикон мальчиков, однако в первую очередь это касается активного (но не пассивного) лексикона. Кроме того, различия в знании девочками и мальчиками слов некоторых тематических групп не столь существенны, как это принято считать (хотя и имеют место), и (главное) эти различия в очень значительной степени обусловлены актуальностью предметов (и соответствующих слов) в практической деятельности детей разных полов. Выявляется также бóльшая склонность мальчиков в процессе освоения лексики опираться на функцию предмета, а девочек – на его форму. Кроме того, выясняется, что в ходе освоения гипогиперонимических гнезд мальчики и девочки могут начинать с освоения разных уровней лексических иерархий. В целом же полученные результаты, как представляется, свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения различий в освоении лексики (и шире – языка в целом) мальчиками и девочками.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Онтолингвистика: Язык в зеркале детской речи. – М., 2013.

Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей в зависимости от наличия/отсутствия у них старшего сиблинга // Проблемы онтолингвистики – 2013. Материалы международной научной конференции. 2013а. С. 300–306.

Доброва Г. Р. О влиянии социальных и/или биологических факторов на особенности освоения языка детьми // Уральский филологический вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании. 2013б. № 4. С. 19-28.

Доброва Г. Р. Вариативность речевого развития детей. – М., 2018.

Елисеева М. Б., Вершинина Е. А., Рыскина В. Л. Макартуровский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Бланки опросников. Образцы анализа. Комментарии. – Иваново, 2016.

Елисеева М.Б., Вершинина Е. А. Гендерные особенности речевого и коммуникативного развития детей 8-18 месяцев (на материале русского языка) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017 а. Т. 13. № 3. С. 680-708.

Елисеева М.Б., Вершинина Е.А. Макартуровский опросник как инструмент диагностики лексического развития детей от 8 до 36 месяцев // Специальное образование. 2017 б. № 3 (47). С. 66-81.

Еремеева В. Д., Хризман Т. П. Мальчики и девочки — два разных мира. – СПб., 1998.

Овчинникова И. Г. Языковое сознание шестилетнего ребенка: гендерный и когнитивный параметры // Возрастное коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж, 2003. С. 132-142.

Штерн В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста: С использованием в качестве материала ненапечатанных дневников Клары Стерн / пер. М. А. Энгельгарда. – 2-е изд. – Петроград, 1922.

©Доброва Г. Р., 2019